

ОСТАНЕТСЯ СТРОКА

ВЕЛИКАЯ ТИШЬ

и горький отчества дым
разносит шальная эпоха
над бункером серым твоим

***

В нашем городе
землетрясения
бодрят
и сближают слон населения

есть о чём потолковать
чем поделиться
как добрыми новостями

вас качало а вас
не так чтобы сильно
но долго
а у нас на шестнадцатом этаже
амплитуда ого
не то что у вас
на девятом

Александра Юнко (1953-2018) – поэт, прозаик, переводчик, литературный критик, журналист. Родилась и жила в Кишинёве. Работала в Доме-музее А.С. Пушкина, в газете «Молодёжь Молдавии», долгие годы сотрудничала с газетой «Русское Слово». Автор нескольких поэтических сборников, сборника эссе «Гадание на Пушкине». Последняя книга стихов «Слова на ветер» (2017) была издана по итогам конкурса и при финансовой поддержке Министерства культуры РМ. Стихи, проза, критические статьи были опубликованы в литературных изданиях Германии, Израиля, Канады, Молдовы, России, Украины, США.

В нашем городе
землетрясения
оживляют историческую память
густо заросшую сорняками

а вот в девяностом
когда ночевали на улице
жарили шашлык
и танцевали под звездами

в 86-м была на сносях
и всё ждала
когда же начнутся роды
дочь родилась через месяц

77-й на юбилее в «Краме»
гул был такой
будто поверху шли танки
женщина билась в истерике
ползла по столу к выходу
скатерть в осколках
в крови
в коньяке
из гардероба исчезли щубы

перед войной
в 40-м
в ноябре
рушились здания
камни летели на голову
трещины по мостовой
бесновались собаки и кошки
чужая беда
а мы не догадывались
что нас ждёт

Бывало и раньше
но некому рассказать
только бумаги знают

В нашем городе
землетрясения
рождают свою мифологию

пьяный проспал всё веселье
и удивлялся
куда исчезли соседи

Люда – ты помнишь Люду? –
вынесла весь хрусталь
детей и мужа забыла
в одной семье
аккуратно сложили ценности и документы
степенно вышли
в исподнем

Постепенно всё затихает
люди ложатся спать
и только на тихой улочке
в одноэтажном доме
долго горит свет
а перед дверью снаружи
сидит под луной на стуле
молодая
простоволосая
кормит грудью младенца

ПОЭТ

Он проснулся, ещё не освоюсь,
а вокруг растянулся пустырь,
бесконечный уродливый комикс,
где слова выдувают в пузырь.

Что он может? Не бог, не воитель –
умник, паинька, книжный червяк,
мастер снов и властитель наитий,
угодивший спросонья впросак.

Против китча любого обличья,
против пошлости, вбитой в виски,
он пехоту эпитетов кличет
и метафоры строит в полки.

Вышел в поле, прекрасен и страшен,
под шурушанье бумажных знамён!
Но никто не играет за наших –
все убиты, а тех легион.

И потонет бумажный кораблик,
самолётик застрянет в кустах...
Только он, оловянный солдатик,
одиноко стоит на часах.

УЛЕЙ

Мозг
растревоженный улей
гуденье нервное пчел
нарушен
налаженный ритм
ежедневной рутины

чужак ли вторгся
в родные пределы
или напал беспощадный
пчелиный грипп

первый за лето
пережили с трудом
второй
стал Катастрофой

много ересей
втайне никто
не верит
будто
сок цветов
превращается в мёд

и только матушка
в своей одинокой келье
молится
старому
Пасечнику с библейски
босьми ногами
и седой бородой до пупа
ПОМИЛУЙ НАС ОСПОДИ

ВЕСТЬ

1

не стану читать газеты
отказываюсь смотреть новости
отключу интернет

не хочу ничего знать
об этих ужасах

каждый осколок снаряда
попадает мне
в голову
в сердце
в солнечное сплетение

не могу
не читать
не смотреть
не знать

изрешетила меня
война
в дырах свистит
злой ветер

читаю читаю читаю
смотрю смотрю смотрю

слепну от боли

2

...когда целятся в грудь ребёнку,
чтобы не плакал,
и душат беременную,
чтоб не рожала,
когда бежит по траве живой факел
и поджигатель
глумится над мёртвым телом...
какое – к чёрту – искусство?!

небо необитаемо, бог
уехал на ПМЖ в другой космос,
чувства
атрофировались
и отпали, как хвост
примата,
культура,
деревенская дурочка,
отдаёт перезрелым сыром,
страницы книг,
плесневеющий хлеб,
склеиваются между собой,
хороня смыслы,
как старый склеп,
некому больше читать,
мир ослеп,
и сколько
ни пиши на заборе:
МЕНЕ ТЕКЕЛ ФАРЕС –
никто не заметит,
это всего лишь адрес,
здесь больше
никто не живёт, и весть
некому передать, почтальон
сдал свою сумку,
взял расчёт,
ушёл воевать,
не вернётся.

***

Пытает бессонница снова,
на правом, на левом боку,
и до половины шестого
забыться никак не могу.

Плыву сквозь обрывки дремоты
и вскакиваю впопыхах:
удавкой на шею намотан
давно перемолотый страх.

Попутчики дней и вокзалов
кричат сквозь помехи и шум:
я что-то им недосказала...
Скажу, напишу, надышу,

заштопаю рваные дыры
и новых, и старых потерь...

Из этого тёмного мира –
рывком за балконную дверь!
Плечами прижмусь наконец-то
к шершавому тылу стены.

Налей мне молочного света
в зелёный кувшин тишины.

***

Чернозём бессарабский
(щепку воткни – цветёт)
обращается в пыль,
и несёт её дальше ветер.
Урожай гниёт,
кручина гнёт,
глаза покрывает лёд.

В опустевшем доме
никому
никого не встретить,
только эху запомнилось:
прогибались полы
и стёкла от песен звенели...

Уронила на землю
тяжёлые гроздьи
лоза.
Одинокое
в горьком пиру похмелье.
Улетели грачи.
Несжатая полоса.

***

За городской заставой холмы в осеннем,
синее небо выше и воздух чище.
В плащике тощем кто там бредёт, рассеян?
То ли сбивает орехи, то ли терновник ищет.

Для уха оглохшего и для души контуженной
лечебный режим, и вокруг тишина такая,
что на ветру звенит паутины кружево
да с опустевших крон листва стекает.

И, как снаружи, станет внутри просторно,
нет искушений, пока не придёшь с повинной, –
дадут на орехи, напялят венки из терна...
Торчат у дорог чёрные крестовины.

В этой копилке все времена и лета.
Трофеи везёт Геродот в каруцах тряских:
битые черепки днестровских гетов,
заржавленный пистолет,
сорванный эполет,
венецианский стилет,
скифский колчан,
подковы кобыл хазарских.